

Н.С. Тендитник

В молодые лета, общаясь с учёной и литературной братией, дружил я с даровитыми, что превосходили меня летами, в словах и деяниях коих слышались отзвуки горней мудрости, выстоялся дар, утихомирилось честолюбие, иным искусникам сжигающее душу в дьявольском полыме. К Валентину Григорьевичу Распутину относился с ученической кротостью, а с Алексеем Васильевичем Зверевым, Надеждой Степановной Тендитник связывала равноправная дружба, хотя я им в дети годился. Мы чаевали, толковали о русской литературе то в опрятной светёлке Надежды Степановны, то в хлебосольной гостиной Алексея Васильевича Зверева, рядом с чудными живописными пейзажами Анатолия Костовского, Владимира Кузьмина и Валерия Зверева, писательского сына. Намыкавшись по замызганным, крикливым

общагам, я умилялся и робел в зале Зверева, в профессорском кабинете Надежды Степановны, где в застеклённых старинных шкафах так величаво и приманчиво светились корешками сочинения русских классических писателей.

Когда я худо-бедно учился в иркутском университете на филфаке, Надежда Степановна уже давно читала советскую литературу XX века, но мне не довелось слушать ее лекции, а тем паче сдавать экзамены, — Бог миловал, как заверяли битые филологи: больно строга, дай Бог со второго, третьего захода трояк схлопотать. Впрочем, то, может, и студенческие мифы... Но, опять же, что греха таить, иные студенты-филологи, и тем более журналисты, протиравшие штаны на университетских лавках, лукаво помышляли, как бы эдак провести мягкодушного доцента вокруг пальца, толком не помня, как и величается его курс, накануне экзамена заполошно пролистав затрёпанный, замасленный учебник, на который в общаге водружалась сковородка с жареной картошкой. А уж перестроечные студенты...особо те, что учились платно... и пуще изощрялись в лукавстве.

После либерально-демократического, сокрушительного переворота в России, когда власть имущие с помощью безродной интеллигенции загнали русское национальное чувство и творчество в катакомбы, когда Надежда Степановна дочитывала свои последние лекции по современной русской литературе, перед её экзаменом хитромудрые студенты, случалось, заполошно гадали: ругать ли славянофила Распутина или хвалить? Потому что у другого филологического доцента надо было непременно костерить Распутина, а Евтушенку с Аксёновым хвалить. Распутина ругать за его «слепую» любовь к некому богоносному русскому народу

и России с её неким христианским мессианством, за его славянофильскую неприязнь к художественному буржуазному Западу, а уж «мировых писателей» хвалить за их цивилизованную широту взглядов. Вот и угадай бедолага студент, кого хвалить, кого на лопатки ложить.

* * *

Наслышанный о Тендитнике в университетские свои лета, познакомился с Надеждой Степановной, когда филологический доцент уже слыла известным в России литературным критиком, о похвальном слове которой в журнале либо газете жадно мечтали даже матерые писатели, но видели лишь в честолюбивых грёзах. Сии грёзы и страстные мечты порой принимали трагикомические образы. На моих глазах даровитый, но одичавший от бесславия, измождённый поэт, похожий на ершистого подростка, зло требовал у Надежды Степановны, чтоб непременно написала про его стихи, но коль та не изъявила желаний, в нервном припадке кинулся на критика, и благо, что подвернулся здоровый прозаик и на руках вынес бесноватого лирика из Дома литераторов. И такое бывало... Так что, за писательское счастье почиталось, если Надежда Степановна вдруг обратит на тебя благосклонный критический взор, которого о ту пору удостоились лишь Александр Вампилов, Валентин Распутин, и чуть позже Алексей Зверев.

То, что Надежда Степановна печатно хвалила вампиловское и распутинское творчество — ясно: мировая слава и горы книг, а вот с Алексеем Зверевым вышло сложнее — талантливый писатель, но, увы, мало известен даже в Сибири, не говоря уж о Москве. Хотя увидели белый свет в книгах повести «Раны», «Выздоровление», «Передышка», «Гарусный платок», «Лыковцы и лыковские гости», «Сашкина душа», «Залоги», «Жили-были учителя», а потом и роман «Ефимова держава», но интереса у критиков книги не породили. Недаром Валентин Распутин в предисловии к сборнику Алексея Зверева и побранил критику: «Критика наша, надо признать, довольно неповоротлива. Она как в святцы заглядывает в одни и те же имена, по которым и судит о состоянии всей литературы. Литература между тем и полнее и глубже, и при всей несвежести сравнения ее с айсбергом, оно, однако же, остается достаточно верным: то, что попадает в поле критического внимания, есть лишь малая часть действительной мощи нашей литературы. Там, в глубинах и на просторах России, многие и многие писатели чутко и верно улавливают происходящие в обществе духовные и нравственные движения и говорят о них с болью и верой, говорят честно и талантливо. И дело тут не в похвалах, которыми они обделены, а в том, чтобы высокую и чистую проповедь их книг знал и понимал наш так называемый большой читатель. Конечно, несправедливо, что Алексея Васильевича не знают очень хорошо, и что большая критика его замечает мало. Вот это несправедливо. Он достоин, конечно, чтобы его читали по всей стране и издавали по всей стране, чтобы правду, которую он говорит, впитывало большое количество читателей».

О сию пору Надежда Тендитник, приспустившись с вампиловско-распутинских вершин, в отличие от столичных критиков, спекулятивно пасущих лишь именитых, до них открытых, пишет похвальное слово о творчестве Алексея Зверева, а потом и о прочих прибайкальских писателях, чей художественный дар впечатлил критика.

В мою же начальную пору, когда я прибывался к писательской братии с ранними повестями и рассказами, отношения мои с Надеждой Степановной, ласково говоря, не заладились: вместо одобрительного слова схлопотал я даже не трояк, как в студенчестве, а суровый нагоняй. Помню, за «круглым» писательским столом обсуждали мою повесть «Отхон», которая потом легла в основу романа «Поздний сын», изданного московским издательством «Современник». И вот Надежда Степановна на пару с писательницей Валентиной Сидоренко, с которой водила дружбу, в пух и прах выбрали мою разнесчастную повесть: дескать, я, не зная сибирской деревни, искажил, унизил образ сельского жителя — в повести мужики пьют горькую, да и горемычные бабёнки не отстают... Ныне думаю, жила в их обвинениях правота: хотя в деревне, где я родился и вырос, крепко пили, но жили и трезвенные, добрые трудяги, на коих испокон веку держалась Россия. Трудяг-то я и забыл изобразить... Но я смекаю о сем нынче, а тогда... тогда душа взбунтовала против двух «знатоков» деревенской жизни: «Ладно, я, по-вашему, не знаю сельских жителей, прожив в деревне двадцать лет от рождения, но откуда вы-то можете знать деревенский люд, если одна корневая горожанка, а другая выросла на иркутской окраине?!»

После «круглого стола» вышла в иркутской газете ещё и статья Надежды Степановны, где опять досталось мне по окаянной шее, и опять было до слез обидно, и пуще жгла неприязнь к безжалостному критику. За четверть писательского века я, как настырный графоман, посылал в журналы свои опусы, получал от ворот поворот, даже из журнала «Наш современник» получил дюжину суровых отповедей, в одной из которых журнальный редактор даже интересовались: мол, нет ли у меня кроме писательства другой, хоть завалящей профессешки... О ту пору утешала лишь потешная мысль: Господь примет не по литературным публикациям...

Время калечит, время и лечит: все миновало, все забылось, но разве мог я, молодой и зелёный, узреть в миражной дали, что уплывут и растают годы, словно утренний туман, и мы с гневливым критиком будем дружно пить чай в её уютной светёлке, согласно толкуя о литературе, что Надежда Степановна даже удостоит мои повести и рассказы одобрительного слова в печати.

Благодаря фанатичной, до самоотречения, азартной работоспособности Надежда Степановна Тендитник была фундаментально и глубоко образованна, что подтвердит любой, кому довелось или посчастливилось читать ее сочинения. Я же ведаю о сем не только из статей и общения, но и разбирая архив покойной, которого хватило бы на пару докторских диссертаций. В первый же день, когда мы с критиком Валентиной Андреевной Семеновой раскрыли шкафы и начали описывать бумаги, пришли в изумление, узрев сотни выписок из книг, журналов и газет, многие сотни подготовительных материалов для лекций, для научных и критических статей. Надежда Степановна была серьёзной и основательной в изучении, постижении русской литературы, но её просвещённость лишь обосновала, укрепила ее исконную любовь к родному русскому народу. А порой случалось иначе, о чем и скорбел Александр Пушкин:

*Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел.
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

Горький Пушкинский вывод подтвердил и Владимир Даль, великий знаток народного языка: «У нас, более чем где-нибудь, просвещение — такое, какое есть, — сделалось гонителем всего родного и народного». Я полагаю, от просвещённой беды, от образованщины, порождающей национальный, а с ним и духовно-нравственный нигилизм и цинизм, Надежду Степановну уберегла сама народная литература, в конце двадцатого века прозванная критиками «деревенской», коя ярко и талантливо слила воедино мудрое и украсное устное слово с классическим письменным.

* * *

Нрав Надежды Степановны Тендитник вызрел не мёд, но суровая нетерпимость ко взглядам, отличным от мировоззрения откровенно русофильского, исходила не от дерзкого характера, но от идейной вдохновенности и национального мужества. Подобные нравы являлись в разные русские времена, и ярко выражались на трагическом переломе эпох; помянем православных русских иереев и архиереев, дьяконов, иноков, инокинь, обретших мученический венец от ленинских супостатов. Горячо верила Надежда Степановна в русский народ, и до сердечной боли переживала российские лихолетья, когда холопы мирового хама, повеличенные либералами, похитили власть в России и, ограбив, пихнули державу в пропасть. При сем с гениальным дьявольским психологизмом рассчитали, что лет через десять даже русский цвет устанет протестовать, смекнув, что протесты — пустое сотрясение воздуха, что если простеца десять лет величать свиньёй и кормить пойлом из корыта, то он и к сему привыкнет, и будет думать, что другой жизни и вовсе нет. Так и иные русские патриоты с годами обвыклись с колониальным бытованием, впали в хмельную апатию, либо, вспомнив слова поэта «и жить торопится, и чувствовать спешит», утонули в радостях земных. И осталось от горе-патриотов, лет десять назад за Святую Русь рвущих рубаху до пупа, одно лишь пустое фарисейство.

Но Надежда Степановна Тендитник до исхода не смирилась с засевающими злом на русской земле, и в письменном столе ждали часа черновые записи, что вызрели бы в сочинения, обличающие иноземную и здешнюю русофобию, утверждающие в читательских душах восхитительную, сострадательную любовь к родному русскому народу.